

Рудольф Штайнер

СОЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Die soziale Frage

СВОБОДА И ОБЩЕСТВО

Freiheit und Gesellschaft

*Статья в двух частях
в журнале «Magazin für Literatur»,
16 июля и 23/30 июля 1898 г.*

Фрагмент из GA 31 «Собрание статей
по истории культуры и современности»
(1887–1901)

*Переводчик: Алексей Жиров
Редактор: Кира Езерская*

Б Д Н

Библиотека
духовной
науки

2020–2022

bdn-steiner.ru

Социальный вопрос

Magazin für Literatur, №28, 16 июля 1898

В нынешнее время нелегко говорить о «социальном вопросе». Бесконечно многое самым неблагоприятным образом влияет сегодня на наше суждение в отношении этого вопроса. Никакой другой вопрос не был запутан так, как этот, «партийными за и против»¹. Мало в каких других областях различные взгляды столь резко противостоят друг другу. Разве этим не всё сказано? И как быстро замечают в связи с множеством появляющихся воззрений, что они происходят от умов, фланирующих по миру фактов с громадными шорами на глазах.

Но те препятствия, что благодаря партийным страстям встают на пути оценки социального вопроса, которая была бы действительно желательной, я вовсе не могу считать самыми худшими. Они сбивают с толку только пребывающих внутри партийных течений. Кто стоит в стороне от этого, всегда имеет возможность сформировать личное суждение. Гораздо более существенное препятствие мне видится в том, что наши мыслящие головы, наши научно образованные носители культуры совершенно не хотят преуспеть в поиске надёжного пути, — *методического решения* этого вопроса.

Снова и снова прихожу я к этому убеждению, когда в связи с социальным вопросом читаю труды авторов, которых благодаря их научному образованию воспринимают с полной серьёзностью. Я заметил, что в этой области тот род мышления, который восприняли наши исследователи под воздействием дарвинизма, пока совершенно не оказывает благотворного воздействия. Не поймите меня неправильно. Я осознаю, что с дарвинистским образом мышления осуществлён один из величайших шагов, которые могло сделать человечество. И я считаю, что дарвинизм должен оказывать благотворное влияние на все области человеческого мышления, когда он применяется правильно, то есть соответствии со своим духом. Я даже выпустил книгу, по моему мнению, написанную всецело в духе дарвинизма — мою «Философию свободы». Для концепции книги мне это полностью подходило. Я размышлял над интимнейшими вопросами человеческой духовной жизни. При этом я совершенно не заботился о дарвинизме. И когда моё мыслительное здание было построено, я вдруг понял: ты ведь внёс вклад в дарвинизм.

Теперь я нахожу, что именно социологи так как раз и не поступают. Они лишь спрашивают у дарвинистски мыслящих естествоиспытателей: как вы действуете? И затем переносят эти методы на свою область, совершая тем самым большую ошибку. Естественные законы, действительные для царства органической природы, они просто переносят на область духовной жизни человека, полагая, что для человеческого развития должно иметь силу то, что наблюдается в животном царстве. В этом, несомненно, есть здоровое зерно. Во всём мире, разумеется, закономерность обнаруживается. Но совершенно не обязательно, чтобы вследствие этого во всех областях действовали *одни и те же* законы. Законы, найденные дарвинистами, действуют в животном и растительном царствах. В человеческом царстве мы должны искать законы, которые мыслились бы в дарвинистском духе, но которые так же специфически свойственны этому царству, как законы органического развития свойственны вышеупомянутым царствам природы. Мы должны искать собственные законы развития человечества, чтобы затем они были также продуманы в духе дарвинизма. Простое же перенесение законов дарвинизма на развитие человечества не может привести к удовлетворительным воззрениям.

Это особенно сильно бросилось мне в глаза при прочтении книги, в связи с которой я излагаю эти мысли: «Социальный вопрос в свете философии» доктора *Людвига Штайна*² (издательство Фердинанда Энке, Штутгарт, 1897). Воззрения автора подчинены намерению рассматривать социальный вопрос в духе того, что господствует в дарвинистской естествен-

¹ По-видимому, Рудольф Штайнер цитирует здесь выражение из партийной риторики, которое в то время было у всех на слуху. — *Прим. пер.*

² Ludwig Stein (1859–1930). — *Прим. пер.*

ной науке. «Что сделал Бакл³ в связи с человеческой жизнью для понятия причинности в истории, при поддержке статистики доказав безусловное значение этого понятия для всей исторической жизни, то сегодня, после того как мы пожинаем плоды достижения Дарвина и его последователей, должно произойти для понятия развития» (стр. 43). Исходя из этой тенденции Людвиг Штайн исследует, как развивались различные формы, которыми определяется человеческое общежитие. И он стремится показать, что «приспособление» и «борьба за существование» играют при этом ту же роль, что и в животном царстве.

Чтобы наглядно представить подход Штайна, я хочу сначала выделить одну из этих форм: религиозную. Человек находится среди различных сил природы. Они вторгаются в его жизнь. Они могут быть для него полезными или вредными. Они становятся полезными, когда он находит способы использовать их так, чтобы они служили его бытию. Человек изобретает орудия и различные устройства, чтобы подчинить себе силы природы. То есть он стремится приспособить своё собственное бытие к бытию, его окружающему. Возможно, будет сделано много попыток, которые окажутся неудачными. Но всегда найдутся и такие, которые достигают цели. Они побеждают. Они сохраняются. Неудачные попытки канут в Лету. Полезное сохраняется в «*борьбе за существование*». Наряду с видимыми силами человек находит в природе также и невидимые. Он называет их *божественными*, — в дополнение к чисто естественным. Он хочет приспособиться и к ним. Он основывает религию с жертвенным служением, тем самым полагая управлять божественными силами, чтобы они работали для его пользы. Таким же образом рассматривает Штайн возникновение брака, собственности, государства, языка, права, — все эти формы возникают через приспособление человека к его окружению; сегодняшние формы брака, собственности и т. д. сохранились по той причине, что в борьбе за существование они оказались наиболее полезными.

Можно увидеть, что Штайн пытается просто перенести дарвинизм на область человеческой жизни.

В последующей статье на примере упомянутой книги я покажу, к чему ведёт такой перенос.

³ Английский историк Генри Томас Бакл (Henry Thomas Buckle, 1821–1862). — *Прим. пер.*

Свобода и общество

Magazin für Literatur, №29-30, 23 и 30 июля 1898

В последнем номере этого журнала я высказал мнение, что в наше время оценка социального вопроса страдает от того обстоятельства, что мыслители, ставящие свои научные способности на службу этому вопросу, слишком шаблонно переносят на развитие человечества те результаты, которые Дарвин и его последователи получили для животного и растительного царств. В качестве одной из книг, к которым мне приходится обращаться этот упрёк, я назвал «Социальный вопрос» Людвига Штайна.

Я нахожу своё мнение об этой книге подтверждаемым в особенности тем обстоятельством, что Людвиг Штайн самым тщательнейшим образом собирает результаты новейшей социологии, выделяет из богатого материала наиболее важные наблюдения, но затем нацеливается не на то, чтобы в духе дарвинизма вывести из наблюдений специфически социологические законы, а просто интерпретирует опыт так, чтобы в нём обнаружили те же самые законы, которые господствуют в животном и растительном царствах.

Основные факты социального развития Людвиг Штайн находит верно. И несмотря на то, что он насильственно применяет законы «борьбы за существование» и «приспособления» к возникновению социальных институтов — брака, собственности, государства, языка, права и религии, — он замечает в развитии этих институтов один важный факт, который не проявляется аналогично в развитии животных. Если характеризовать этот факт, то следует отметить, что все перечисленные институты образуются, оставляя вначале на втором плане интересы личности, в то время как интересам сообщества уделяется особое внимание. Таким образом, эти институты принимают форму, с которой в ходе дальнейшего её развития приходится бороться. Если бы исходя из природы вещей в начале культурного развития стремлению индивидуума к всестороннему раскрытию его сил и способностей не был поставлен барьер, то брак, собственность, государство и т. д. не могли бы развиваться так, как они развивались. Война всех против всех помешала бы любому роду объединений. Потому что внутри объединения человек всегда вынужден отказываться от части своей индивидуальности. И на заре культурного развития человек к этому склонен. Это подтверждается самыми различными фактами. Изначально, например, частной собственности не было. Штайн говорит об этом так (стр. 91): «Это факт, подтверждаемый исследователями с единодушием, которое кажется тем более убедительным, чем реже оно достигается именно в этой области: что изначальная форма собственности была коммунистической и, вероятно, оставалась таковой в течение неизмеримо долгого периода вплоть до варварства». Следовательно, частной собственности, которая ставит человека в положение, позволяющее проявить свою индивидуальность, в начале развития человечества не существовало. И что могло бы проиллюстрировать это отчётливее, как не тот факт, что был период, когда жертвовање индивидуумом в интересах общества считалось правильным? Так, спартанцы в определённое время предавали смерти слабых, чтобы они не были обузой обществу. И какое подтверждение находит тот же самый факт в том, что философы прежних времен, например, Аристотель, вовсе не считали рабство чем-то варварским! Аристотель считал естественным, что некоторая часть людей должна служить другой в качестве рабов. Такой взгляд можно иметь только тогда, когда он исходит прежде всего из интересов общности, а не из интересов отдельного человека. Легко доказать, что все общественные институты на заре культуры имели форму, при которой интересы индивидуума должны приноситься в жертву интересам общности.

Но так же верно и то, что в ходе дальнейшего развития индивидуум стремится утвердить свои потребности по отношению к потребностям общности. И если внимательно наблюдать, то в утверждении индивидуума по отношению к необходимо возникающим в начале культурного развития сообществам, которые строятся на подавлении индивидуального, даётся хороший пример исторического развития.

По здравом размышлении приходится признать, что общественные институты были необходимостью и что они могли возникнуть только с акцентом на общественные интересы. Но это же здравое размышление ведёт к признанию того, что индивидуум вынужден бороться против жертвования своими особыми интересами. Вследствие этого социальные институты со временем приняли формы, которые учитывают интересы индивидуума больше, чем это имело место в предыдущих состояниях. И если понимать наше время, то можно сказать, что наиболее прогрессивные люди стремятся к таким формам сообщества, в которых характер совместной жизни как можно меньше препятствовал бы индивидууму в его собственной жизни. Всё дальше уходит идея о том, что сообщества могут быть самоцелью. Они должны стать средством для развития индивидуальностей. Государство, например, должно получить такое устройство, чтобы оно предоставляло как можно больше простора для свободного раскрытия отдельной личности. Общественные учреждения должны быть сформированы таким образом, чтобы служить не государству как таковому, но индивидууму. Иоганн Готлиб Фихте⁴ дал этой тенденции, казалось бы, парадоксальное, но, без сомнения, единственно верное выражение, сказав: государство существует для того, чтобы постепенно сделать себя излишним. В основе этого высказывания лежит важная истина. Вначале индивидуум нуждается в сообществе. Потому что только из сообщества может он развить свои силы. Но позднее, когда эти силы развиты, индивидуум уже не может больше выносить опеки со стороны сообщества. Тогда говорится так: я формирую сообщество таким образом, чтобы оно наиболее подходило для раскрытия моего своеобразия. Все государственные преобразования и революции в новейшее время имели целью противопоставление индивидуальных интересов интересам общности.

Интересно, как Людвиг Штайн подчёркивает этот факт в случае каждого отдельного общественного института. «Очевидной тенденцией первой социальной функции, брака, является постоянно усиливающаяся, усложняющаяся в связи с психическими факторами персонализация — борьба за индивидуальность» (стр. 79). В отношении собственности Штайн говорит: «С философской точки зрения социальным идеалом является индивидуализм, смягчённый в государственных институтах коммунистическим движением». В отношении государственности, по Штайну, имеет место в целом следующее: «очевидная тенденция социального развития» сводится к «непрерывной индивидуализации» и к «возвышению индивидуальной вершины социологической пирамиды». Рассматривая развитие языка, Штайн говорит: «Как сексуальный коммунизм выливается в индивидуальную моногамию, как изначальная земельная собственность неотвратимо растворяется в личной частной собственности, так индивидуум противопоставляет действующему в интересах общества языковому коммунизму свою духовную индивидуальность, свой язык, свой стиль. Также и здесь звучит лозунг: самоутверждение индивидуальности». О развитии права Штайн говорит: «Вектор развития права, первоначально распространявшегося на целый род, чтобы постепенно завладеть отдельными индивидуумами, а затем овладеть ими от телесности до тончайших и нежнейших душевных разветвлений, рисует нам хоть и эскизную, но всё же довольно наглядную картину непрестанной правовой индивидуализации» (стр. 151).

Мне кажется, что теперь, после установления этих фактов, задачей социологического философа было бы перейти к *основному социологическому закону*⁵ человеческого развития, каковой следует из этих фактов с логической необходимостью и каковой я хотел бы выразить следующим образом. *Человечество в начальных состояниях культуры стремится к образованию социальных объединений; интересы индивидуума вначале приносятся в жертву интересам этих объединений; дальнейшее развитие ведёт к освобождению индивидуума от интересов объединений и к свободному раскрытию потребностей и сил каждого отдельного человека.*

Таким образом, речь идёт о том, чтобы из исторических фактов сделать выводы. Какая государственная и общественная форма может быть единственно желаемой, если всё соци-

⁴ Johann Gottlieb Fichte (1762–1814), немецкий философ. — Прим. пер.

⁵ Здесь и далее в этом абзаце — выделено переводчиком.

альное развитие сводится к процессу индивидуализации? Ответ не может быть чересчур сложным. Государство и общество, считающие себя самоцелью, должны стремиться к господству над индивидуумом, независимо от того, как это господство осуществляется, — будь то абсолютистский, конституционный или республиканский способ. Если государство больше не рассматривается как самоцель, но лишь как средство, то оно уже не будет делать акцент на принципе господства. Тогда оно будет формироваться таким образом, чтобы отдельный человек мог прийти к наиболее полному своему проявлению. Идеалом будет отсутствие господства. Это будет сообщество, которое не хочет ничего для себя, но всё для отдельного человека.

Следуя далее направлению этой мысли, оставалось бы лишь бороться со всем тем, что сводится сегодня к социализации общественных институтов. Людвиг Штайн этого не делает. Он переходит от наблюдения реального факта — из которого, однако, не может вывести верный закон — к выводу, представляющему собой скверный компромисс между социализмом и индивидуализмом, между коммунизмом и анархизмом. Вместо признания того, что мы стремимся к институтам, которые носили бы индивидуалистический характер, он пытается придерживаться принципа социализации, который, однако, позволяет принимать во внимание интересы отдельного человека лишь в той мере, в какой при этом не ущемляются потребности общности. Например, в отношении права Штайн говорит (стр. 607): «Под социализацией права мы понимаем правовую защиту экономически слабых; сознательное подчинение интересов отдельного человека более обширному целому, далее государству и, в конечном счёте, всему роду человеческому». И такую социализацию права Людвиг Штайн считает желательной.

Подобную точку зрения я могу объяснить себе только тогда, когда полагаю, что учёным настолько завладели избитые фразы нашего времени, что он принципиально неспособен сделать надлежащие выводы из верных предпосылок. Полученные из социологических наблюдений верные предпосылки должны были бы вынудить Людвиг Штайна поставить в качестве социального идеала анархический индивидуализм⁶. В этом была бы смелость мысли, каковой у него, по-видимому, нет. Людвиг Штайн знает анархизм, похоже, только в той безгранично тупой форме, в какой он осуществляется террористом, кидающим бомбы. Это доказывают его слова на странице 597, где говорится, что «с мыслящим, целеустремлённым, организованным рабочим классом, для которого законы логики имеют принудительную силу, взаимопонимания достичь можно». Именно сегодня с коммунистически мыслящим рабочим классом может найти взаимопонимание не тот, кто лишь знает законы социального развития, как Людвиг Штайн, но кто, в отличие от Людвиг Штайна, ещё и умеет их верно интерпретировать.

⁶ Индивидуалистический анархизм, или анархо-индивидуализм (от др.-греч. ἀναρχία — букв. «без начальства», лат. *individuum* — «неделимое») — одно из направлений анархизма, целью которого является установление анархии, то есть безвластного общества, в котором отсутствуют иерархия и принуждение. Анархо-индивидуалисты провозглашают приоритет интересов конкретной единичной личности над интересами общества (ист. — Википедия).

Здесь, в этой небольшой статье, Рудольф Штайнер использует принятый в философской традиции термин, при этом имея в виду идею как таковую, а не ту форму произвола, который она зачастую обретала, будучи воплощаемой отдельными людьми и объединениями (о чём, в том числе, свидетельствуют его последующие слова). В своём большом основополагающем труде «Философия свободы», вышедшем в 1893 году, он — исходя не из философской традиции и уже существующих мыслей и идей, а опираясь на чистое мышление и феноменологическое наблюдение душевной жизни человека — научно развивает идею свободной, самостоятельно себя определяющей индивидуальности, представляющей собой высшую ступень эволюции человека, в ходе своего развития проходящего через ступени сначала чисто природного, а затем лишь подчиняющегося сообществу существа: «...Мы не можем додумать до конца понятие человека, не придя к свободному духу как чистейшему выражению человеческой природы. <...> Природа делает из человека только природное существо; общество — существо, поступающее сообразно законам; свободное существо он может сделать из себя только сам. Природа выпускает человека из своих оков на известной стадии его развития; общество доводит это развитие до следующего пункта; последний чекан человек может дать себе только сам» (глава IX, «Идея свободы»). Поэтому в данном случае термин «анархический индивидуализм» следует понимать в духе идей, изложенных в «Философии свободы». — *Прим. пер.*

Людвиг Штайн — крупный учёный. Это доказывает его книга. Людвиг Штайн — наивный социальный политик. Это доказывает его книга. То и другое, следовательно, в наше время вполне совместимо. Мы пришли к культуре точного наблюдения. Но хороший наблюдатель — ещё не мыслитель. И Людвиг Штайн — хороший наблюдатель. То, что он сообщает как результат своих и чужих наблюдений, для нас важно; то, что он выводит из этих наблюдений, для нас не имеет никакого смысла.

Я с интересом прочитал его книгу. Она была для меня действительно полезна. Я многому из неё научился. Но я всё время должен был делать из предпосылок Людвиг Штайна выводы, отличные от тех, которые делает он. Когда факты говорят через него, это служит мне побуждением; там, где говорит он сам, мне приходится с ним бороться.

И всё же я спрашиваю себя теперь: почему Людвиг Штайн, несмотря на верные наблюдения, может приходиться к искажённым социальным идеалам? И тогда я вновь убеждаюсь: он действительно неспособен опираясь на социальные факты найти социальные законы. Если бы он это мог, то не пришёл бы к дурному компромиссу между социализмом и анархизмом. Ибо тот, кто действительно способен познавать законы, с необходимостью действует в их духе.

Снова и снова я должен возвращаться к тому, насколько малодушны мыслители нашего времени. У них нет мужества сделать верные выводы из своих предпосылок и наблюдений. Они заключают компромиссы с нелогичностью. Следовательно, они вообще не должны касаться социального вопроса. Это слишком важный вопрос. Он не подходит для того, чтобы из верных предпосылок построить несколько тривиальных выводов, достойных умеренного социального реформатора, прочитать лекции и затем издать их в виде книги.

Я рассматриваю книгу Штайна как доказательство того, сколь много могут наши учёные, и, однако, сколь мало они *могут мыслить*. В наше время нам нужно мужество; мужество мышления, мужество последовательности; но, к сожалению, у нас есть только малодушные мыслители.

*

Малодушие мыслителей я хочу прямо рассматривать как наиболее бросающуюся в глаза тенденцию нашего времени. Притупить мысль сделанными из неё выводами, чтобы противопоставить ей другую мысль, «столь же справедливую»: это является всеобщей тенденцией. Штайн постигает, что человеческое развитие стремится к индивидуализму. Но ему недостаёт мужества продумать, как возможно исходя из существующих условий прийти к социальной форме, учитывающей индивидуализм. Недавно Э. Мюнстерберг перевёл книгу брюссельского профессора Адольфа Принса⁷ («Свобода и социальные обязанности», авторизованное немецкое издание доктора Э. Мюнстерберга, издательство Отто Либмана, Берлин, 1897). И судя по её содержанию, Принс знает истину, которая должна сразу же отрубить голову всякому социализму и коммунизму: «И я думаю, что среди элементов, образующих вечное основание человечества, различие людей является одним из самых прочных». Ни социалистическая, ни коммунистическая государственная или общественная форма не может надлежащим образом учитывать естественное неравенство людей. Любая *предопределённая* какими-либо собственными сущностными принципами организация необходимо должна подавлять полное свободное развитие индивидуума, чтобы осуществлять себя как целостный организм. И если социалист в целом признаёт справедливость полного развития всех отдельных личностей, то при практическом воплощении своих идеалов он будет стремиться обточить все характерные особенности индивидуумов, которые не впишутся в его программу.

Ход мыслей бельгийского профессора интересен. То, что скопление властных полномочий в *одном* месте вредно, он признаёт с самого начала. Поэтому в связи со средневековыми социальными структурами, с их административными и правовыми системами, опирающимися

⁷ Adolf Prins (1845–1919). — Прим. пер.

ся на локальные объединения и местных индивидуумов, он говорит о происходящих из римской культуры импульсах, которые, игнорируя характерные особенности отдельных людей, приводят к стремлению объединить, централизовать всю власть в одном месте (стр. 40 и след.). Принс даже против всеобщего избирательного права, так как он считает, что тем самым меньшинство насильственным образом подчиняется *господству*, возможно, совершенно незначительного большинства. Однако и он приходит к тому, чтобы рекомендовать скверные компромиссы между социализмом и индивидуализмом. То, что благо всегда проистекает из раскрытия индивидуальностей, должно было следовать у этого мыслителя из всех его рассуждений. У него не хватает мужества признать это, и он говорит: «Но высшая степень индивидуальности происходит не от избытка индивидуализма» (стр. 63).

Я хотел бы ему возразить: об «избытке» индивидуализма вообще неправомерно говорить, потому что никто не может знать, что утрачивается индивидуальностью, когда её ограничивают в свободном раскрытии. Кто хочет придерживаться здесь верного масштаба, тот понимает, что вообще не может знать, какие дремлющие силы он с его грубыми мерками вытаскивает из этого мира.

Делать практические предложения здесь неуместно; но, пожалуй, уместно сказать следующее. Тот, кто знает, как понять развитие человечества, может выступать лишь за такую общественную форму, которая имеет целью беспрепятственное всестороннее развитие индивидуумов и для которой отвратительно любое господство одного человека над другим. Как отдельный человек справляется с собой — вопрос. Каждый самостоятельно будет решать этот вопрос, когда все общественные формы перестанут этому препятствовать.

Из всех господств худшим является то, к которому стремится социал-демократия. Она хочет изгнать дьявола через Вельзевула. Но в наше время она — призрак. И так как известно, что красный — самый волнующий цвет, он воздействует на многих людей очень сильно. Но только на людей, которые не умеют мыслить. Те, кто умеют мыслить, знают, что через осуществление социал-демократических идеалов всякая индивидуальность будет подавлена. Но так как она не может быть подавлена — потому что развитие человечества в определённый момент стало зависеть от индивидуальности, — то день победы социал-демократии одновременно станет днём её крушения.

Этого, похоже, не понимают те, кто настолько запуганы красным знаменем социал-демократии, что думают, будто каждая теория о совместной жизни людей должна быть смазана неизбежной *толикой* социалистического масла. Такими «промасленными» являются обе упомянутые теории: и Людвиг Штайна, и Адольфа Принса.

Оба не знают, как себе помочь. Они мыслят. В результате они должны были бы стать индивидуалистами или, скажем без обиняков, теоретическими анархистами. Но они боятся, адски боятся последствий своего собственного мышления, и поэтому подмамливают свои выводы государственно-социалистическими замахами канцлера Бисмарка и социал-демократическим абсурдом господ Маркса, Энгельса и Либкнехта. Кто много предложил, тот многим угождает⁸.

Но это относится не только к мыслителям. Я считаю, что каждый должен стремиться последовательно действовать в духе воззрения, соответствующего его природе. Если оно неверно, тогда победит другое. Победим ли мы — это мы оставляем решить будущему. Мы лишь хотим сделать свою позицию проявленной.

Людям мыслительного ремесла определённому следует участвовать в дискуссиях по социальному вопросу. Ведь не зря повторяют, что это ремесло не даёт возникнуть слепой партийной страсти. Но и мыслителям нужна страсть, — страсть к безжалостной оценке собственных взглядов. У мыслителей нашего времени нет такой безжалостности.

Людвиг Штайн во введении к своей книге высказывает сожаление, что философы современности так мало занимаются социальным вопросом. Я не хочу сожалеть об этом в такой же степени. Если бы наши философы были мыслителями, имеющими мужество делать выво-

⁸ Фраза директора из «Фауста» Гёте в «Прологе в театре» (в переводе Николая Холодковского). Нем. «Wer vieles bringt, wird manchem etwas bringen». — *Прим. пер.*

ды из своих мыслей, я мог бы согласиться со Штайном. Однако при существующем положении вещей из активного участия философов в дискуссии по социальным вопросам ничего толкового не выйдет. И Людвиг Штайн доказывает это своей толстой книгой. В ней нет ничего, что могло бы иметь хоть какое-то значение для существа дела. Ботву⁹, повсеместно подаваемую на стол партиями и компромиссными кандидатами во всех господствующих странах, Людвиг Штайн лишь немного приправляет философским салатом¹⁰. Но вкуснее от этого не становится.

⁹ Нем. «Kohl» — капуста. Здесь игра слов: в разговорном немецком означает также «вздор, чепуха». — *Прим. пер.*

¹⁰ Продолжение игры слов: в разговорном языке «Salat» означает также «мешанина, беспорядок, неразбериха». — *Прим. пер.*